

Е. П. Серебровская
ОБ ОЛЬГЕ ФЕДОРОВНЕ БЕРГГОЛЬЦ
ЗАМЕТКИ

(Публикация Н. А. Прозоровой)

Наиболее репрезентативным источником сведений о характере и образе жизни известных людей принято считать воспоминания, написанные людьми из близкого окружения. Память друзей избирательна, что порой приводит к бессознательной идеализации рисуемого образа. По-другому избирательна память тех, чьи редкие встречи с известным лицом так и не привели к сближению. Заметки Е. П. Серебровской об Ольге Берггольц необычны тем, что мемуаристка не принадлежала к избранному кругу друзей поэтессы. Тем не менее несколько встреч, оставшихся в ее памяти, ценны как еще один «человеческий документ» и новый мемуарный источник.

Елена Павловна Серебровская (1915—2003) — ленинградская писательница, публицистка, автор сценариев к документальным фильмам и воспоминаний «Между прошлым и будущим» (СПб., 1995), «Шолоховские годы» (СПб., 1999). В 1956—1961 гг. работала заместителем главного редактора журнала «Нева», известна своей деятельностью в ленинградском комитете защиты мира, за которую награждена медалью «Борцу за мир».

Предполагаем, что Серебровская передала свои «Заметки» Марии Федоровне Берггольц, которая до конца жизни была хранителем и владельцем архива поэтессы. После ее смерти архив был передан в Рукописный отдел Пушкинского Дома. В настоящее время воспоминания Серебровской «Об Ольге Берггольц. Заметки» хранятся в фонде 870 О. Ф. Берггольц в Рукописном отделе Института русской литературы. Воспоминания датированы автором 1990 г. и публикуются по авторизованной машинописи, сокращения раскрыты в ломаных скобках.

В предвоенные годы я, студентка, только начинала печатать свои первые стихи в ленинградских журналах. Выходила в Ленинграде и писательская газета,¹ в которой стихами занималась Ольга Федоровна Берггольц. В 1935 году у нас в ЛГУ формировалась группа переводчиков в Испанию, меня назвали в числе кандидатов. Но все отпало из-за того, что в октябре этого года у меня родилась дочка,² потом несколько месяцев я серьезно болела. Остался острый интерес к событиям в Испании. И вот написано стихотворение «Мадонна» о женщине в Мадриде, у которой в бомбежку погиб ребенок и которая взяла кормить грудью осиротевшего чужого. Я отдала стихи О<льге> Ф<едоровне>, и она приняла их к печати. Недавно они воспроизведены в сборнике «Бессмертен подвиг ваш» на стр. 135, изд<ательство> «Худож<ественной> литературы», 1986.³

Была тогда О<льга> Ф<едоровна> тоненькой, беленькой, очень скромной женщиной. Помню, в Доме писателей были три бильярдных стола — большой, средний и маленький. Запомнились слова О<льги> Ф<едоровны>: «Я играю на среднем».

В начале 1936 года, когда дочке моей было меньше полгода, я по настойчивой просьбе поэта Бориса Корнилова⁴ и его второй жены Люси⁵ явилась к ним со своей малышкой на руках. Талант Корнилова я ценила, но поэт не преминул шутливо упрекнуть меня в том, что я к нему равнодушна и влюбилась в другого. Он заявил, что хочет быть крестным отцом моей девочки. Что и написал на подаренной мне своей книжке — поэме «Моя Африка»,⁶ которая мне очень нравилась. Конечно, я эту надпись от ребят в ЛГУ не скрывала. Но в то время, полное подозрений и необоснованных обвинений, эта надпись после ареста Корнилова стала основным содержанием «телеги» местного доносчика, и я была исключена из комсомола. Поскольку уже четверо из моей группы отбыли на Колыму, ничего хорошего не ожидало и меня. Спасло постановление пленума ЦК о перегибах с исключениями из партии (середина января 1938 г.),⁷ после которого меня восстановили.

В тот визит к Корниловым в моем присутствии позвонила О<льга> Ф<едоровна>. Я сидела в комнате, где был телефон, и слышала весь разговор о том, что умерла их маленькая дочь⁸ и требовались деньги

на похороны. При всем уважении к таланту Корнилова я не могла мысленно простить тон его разговора, отсутствие немедленной готовности помочь. Словно не о его младенце шла речь. Конечно, он помог в итоге, но у меня осталось впечатление о том, насколько же одиноким было материнство О<льги> Ф<едоровны>.⁹

Получилось так, что Великая Отечественная застала меня снова накануне декретного отпуска, и я успела выехать в Туркмению, где жили родители мужа. Вернувшись осенью 1944 года домой, нашла в ящиках стола моего отца,¹⁰ умершего с голоду весной 1942 года, переписанную от руки разборчивым женским почерком «Ленинградскую поэму» Берггольц. Видно, переходила рукопись из рук в руки, бумага была жесткая, плотная. Позднее я сдала эту рукопись в музей.¹¹

После войны я встречала О<льгу> Ф<едоровну> в ее новом гражданском качестве, более уверенную в себе. Блокада сделала ее сильней. Но вот детали: когда-то сидим в ресторане Дома писателя за обедом, она принимает сто грамм вина. Говорит, что активно работает над поэмой «Первороссийск»,¹² что настроение хорошее, а вино взбадривает. Проходит время — слышу, что О<льга> Ф<едоровна> в больнице, лечится от алкоголизма. Я рада за нее: волевая, она сумеет освободиться от болезни. Проходит время. Декабрь какого-то года. Сажу снова за обедом, а спиной ко мне за соседним столиком О<льга> Ф<едоровна> с мужем Г. Макогоненко.¹³ И вдруг он спрашивает:

— Оленька, у кого встречать будем? Может, у Юры?

И она отвечает:

— Конечно, у Юры Германа.¹⁴

Во мне борьба: ну как же это муж планирует взять ее в компанию, где, конечно, будет вино! Ведь она же недавно из больницы! Если б любил, увез бы куда-нибудь за город, подальше от хмельной компании, пусть даже престижной... Но я не смею вмешиваться в их разговор. Да кто меня и слушать будет!

Будем справедливы: замечала я и доброе влияние этого брака. Макогоненко занимался русской литературой конца XVIII — начала XIX веков. В ЛГУ его учителем, как, впрочем, и моим, был Григорий Александрович Гуковский,¹⁵ человек яркий, оригинальный, учивший нас думать. В первые послевоенные годы я замечала и у О<льги> Ф<едоровны> повышенный интерес к истории нашей литературы. Высказывала она подчас на собраниях на этот счет мысли свежие, незаурядные. Именно тогда предлагала нам и теорию самовыражения. У нее это звучало убедительно, но быстро нашлись охотники «поразоблачать» то, что непривычно.

Был какой-то вечер, когда мы засиделись в Доме писателей. Я заказала такси, ехать собрались с И. Авраменко.¹⁶ Пора было домой и О<льге> Ф<едоровне>, пригласили в машину и ее. По пути она рассказывала мне о том, что пишет ей кто-то из заключенных. Мы отвезли ее на улицу Рубинштейна, она вошла в парадную. Но дальше почему-то не шла. Илья Авраменко сказал, что надо подождать, пока она не войдет в квартиру. Наша машина не уезжала. Но мы не понадобились, подошел Макогоненко, и они вдвоем вошли в здание.

Было и такое: на каком-то собрании писателей, еще до смерти Сталина, сидим рядом трое — О<льга> Ф<едоровна>, Е. Катерли¹⁷ и я. Неожиданно О<льга> Ф<едоровна> говорит:

— А твои записочки все у меня в столе.

— Какие записочки?

— Студенческие.

Я стараюсь сообразить, о чем речь. И вспоминаю: на скучных лекциях не однажды писала записки студенту Миرونу Левину,¹⁸ в том числе о Корнилове, о посещении вместе с ним и Люсей его друзей. Мирон болел туберкулезом, жил в тесноте. Под конец учебы его пригласил к себе жить наш староста, имевший просторное жилье и бывший автором той «телеги», которая меня чуть не погубила. Левин тем временем умер, моими записками мог распорядиться именно староста. Со мною все обошлось, но записки ведь были не обо мне, а о замечательном поэте, погибшем в ежовских застенках. Через кого были переданы записки дальше, не знаю. Но сейчас надо что-то сказать. И я говорю:

— Значит, я уже знаменитой становлюсь, если мои записки сохраняются...

Елена Катерли слушает все это с любопытством. Улучив момент, спрашивает меня, о чем речь. И я объясняю. Если она вела дневник, могла и записать об этом. Ольга же Федоровна в более поздние годы обращалась ко мне с предложением — написать матери Бориса Корнилова,¹⁹ поскольку я была с ним знакома. Я, увы, этого не сделала. Сохранились ли мои записки после смерти О<льги> Ф<едоровны>? Не знаю.

И еще был эпизод, когда я работала заместителем главного редактора журнала «Нева» и приехала в Смольный на какое-то деловое совещание. Была зима. Я уже подходила к калитке у ограды Смольного, когда увидела фигуру в меховом пальто возле машины такси. Она оступилась, свалилась в снег, поднялась. Узнала меня и окликнула:

— Лена!

Я тотчас вернулась назад. Это была О<льга> Ф<едоровна>. Рядом стоял милиционер. На мой вопрос, что случилось, он ответил:

— Вот свезем в милицию, разберемся.

— Что вы, какая милиция! Это же Ольга Федоровна Берггольц, она больна. Я сама отвезу ее домой, не беспокойтесь.

О<льга> Ф<едоровна> села в такси, я рядом, и мы поехали на Карповку. Было больно за этого незаурядного человека, за женщину, чью судьба перегрузила испытаниями. Она вдруг начала:

— Юра, между прочим,..

Я ее оборвала:

— Юра твоих пальцев на ногах не стоит!

Это было резко, и я позволила себе «ты» только потому, что уже знала: с Ю. М<акогоненко> она уже разошлась, он уже женился и пояснил, в нем заговорило чувство отцовства... Наверное, только женщина может понять, как усиливается боль, если разрыв пытаются оправдать тем, что у тебя, мол, нет детей. А их больше не было, хотя она ездила куда-то

в Среднюю Азию и там подползала под каким-то деревом, излечивающим по слухам от бесплодия. Она рассказывала мне об этом раньше.

Ей, видимо, был неприятен мой жесткий суд над Ю. М<акогоненко> По пути она однажды заявила:

— А я тебя не люблю.

Я ответила:

— Жаль, но что тут поделаешь! Я тебя все равно не брошу.

У дома, куда мы приехали, она долго подбирала ключи к двери. Их требовалось три, а какие-то два надо было, кажется, повернуть одновременно. Мы все же вошли. Маленькая прихожая, стул. Под ним, к моему удивлению, лежал тяжелый топор-колун. Зачем, ведь отопление централизованное!

Я подумала о том, что ее, наверное, мучает жажда, как любого, после вина. Минеральная вода была бы очень кстати. Я открыла холодильник и заглянула: он был пуст. Ни воды, ни даже какой-нибудь еды в тот день в нем не было! Утром она выехала, видимо, впроголодь.

О<льга> Ф<едоровна> что-то невнятно рассказывала о дележе книг при разводе. Я покинула этот дом в тягостном настроении.

Еще однажды судьба соединила нас снова в дороге. Собрались ехать в Дом творчества в Гаграх, нас было несколько. Меня спросили, согласна ли я ехать в купе с Берггольц. Отчего же! Поехали. Она выглядела спокойной. Были какие-то путевые разговоры. Через сутки на одной из станций ей вздумалось выйти в буфет. Я успела предупредить Петра Капицу,²⁰ и он вышел с ней. Все было в порядке.

В санатории нас разместили врозь, и мы виделись мало. Разве на пляже, где загорали. Да, на внешнем облике блокада не могла не сказаться. Здесь О<льга> Ф<едоровна> выглядела старше своих лет.

Последний раз я увидела О<льгу> Ф<едоровну> на последнем прощании, на Волковом кладбище. Не проводить ее я не могла. Веру в свой народ, в наши светлые идеалы, столькими людьми дискредитированные, эта женщина сохранила, несмотря на все жестокие испытания судьбы.

Мне жаль, что не записала источника, но когда-то, читая материалы о петровской эпохе, я встретила фамилию Берггольц. Единственный раз. Ее носил дипломат, то ли из Норвегии, то ли из Швеции. Знаю, что отец О<льги> Ф<едоровны> Федор Христофорович²¹ был родом из Риги. Это, однако, вовсе не исключает возможности скандинавских корней. В нашем городе, в нашем северном крае такие вещи — не редкость, достаточно вспомнить поэтов Вадима Шефнера,²² Юрия Инге.²³

23.7.90.

Е. Серебровская.

¹ Имеется в виду газета «Литературный Ленинград», выходившая в 1933—1937 гг.

² Речь идет о *Серебровской Майе Всеволодовне (Александровне)* (р. 1935), проживающей в настоящее время в Петербурге, по профессии — химике.

³ Бессмертен подвиг ваш: К 50-летию антифашистской войны испанского народа. М., 1986.

⁴ *Корнилов Борис Петрович* (1907—1938) — поэт, первый муж Берггольц. В 1937 г. был арестован, в 1938 г. по обвинению в контрреволюционной деятельности приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. 5 янв. 1957 г. Военная коллегия Верховного суда

СССР приговор отменила, Б. Корнилов был реабилитирован.

⁵ *Борнитейн* (с 1938 г. — *Басова*) *Людмила Григорьевна* (1913—1960) — вторая жена Корнилова.

⁶ Поэма «Моя Африка» вышла в печати в 1935 г. в Ленинграде. Экземпляр с дарительной надписью Корнилова, хранившийся в семье Серебровской, был изъят сотрудниками НКВД в период ареста Корнилова. Текст дарительной надписи сообщила по памяти М. В. Серебровская: «Хоть я и крестный, но все-таки — отец».

⁷ Имеется в виду Пленум ЦК ВКП(б), состоявшийся 14 янв. 1938 г. и принявший постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». См.: КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т. 5. С. 304—312.

⁸ *Корнилова Ирина Борисовна* (1928—1936) — дочь Ольги Берггольц и Бориса Корнилова.

⁹ Этот же визит в семью Корнилова, но с другими подробностями Серебровская описала в заметке «О „крестном отце“». См.: Распяты: Писатели — жертвы политических репрессий / Автор-сост. З. Дичаров. СПб., 1994. Вып. 2. С. 158.

¹⁰ *Серебровский Павел Владимирович* (1878—1942) — сын священника, биолог, орнитолог.

¹¹ «Ленинградская поэма» впервые опубликована: Ленинградская правда. 1942. 24 июля. № 174. С. 3; 25 июля. № 175. С. 2. Список «Ленинградской поэмы» хранится в настоящее время в РО ИРЛИ в архиве Е. П. Серебровской в фонде 833 (фонд не обработан). На обороте последнего листа списка имеется запись: «Экземпляр стихов Берггольц, распростр<аняемый> в блокаду в перепис<анном> виде. Сохранила Мария Никитична Серебровская, учительница, мать Е. П. Серебровской».

¹² Работать над поэмой «Первороссийск» (М., 1951) Берггольц начала летом 1949 г., в 1952 г. получила за поэму Государственную премию СССР.

¹³ О *Макогоненко Г. П.* см. в примеч. 4 к п. 1 в публ. писем О. Ф. Берггольц к Ф. Х. Берггольцу (наст. издание). Официально брак Макогоненко с Берггольц был заключен 20 февр. 1949 г., а расторгнут 3 февр. 1962 г.

¹⁴ *Герман Юрий Павлович* (1910—1967) — прозаик, кинодраматург.

¹⁵ *Гуковский Григорий Александрович* (1902—1950) — историк литературы, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Ленинградского государственного университета (преподавал в 1935—1944 и 1946—1949 гг.).

¹⁶ *Авраменко Илья Корнильевич* (1907—1973) — поэт.

¹⁷ *Катерли (Кондакова) Елена Иосифовна* (1902—1958) — писательница.

¹⁸ Дополнительных сведений о *Мироне Левине* отыскать не удалось.

¹⁹ Имеется в виду *Корнилова (урожд. Остроумова) Таисия Михайловна* (1884—1979) — сельская учительница, активный пропагандист творчества сына с середины 1950-х гг.

²⁰ *Капица Петр Иосифович* (1909—1998) — прозаик.

²¹ О *Федоре Христофоровиче Берггольце* (1885—1948) см. в публ. писем О. Берггольц к нему в наст. издании.

²² Поэт *Шефнер Вадим Сергеевич* (1914/1915—2002) рассказывал о том, что его предками были скандинавы, обрусевшие немцы и остзейцы. См.: *Филиппов Г. В.* Шефнер Вадим Сергеевич // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги: Библиографический словарь. М., 2005. Т. 3. С. 714.

²³ *Инге Юрий (Георгий) Алексеевич* (1905—1941) — поэт, прозаик.